

Гіральда

1 МАРТА 1960 г., № 61 (15185)

О маленьком мальчике Гарри и большом мистере Солсбери

Обыкновенная история заурядной человеческой жизни, в меру грустная, чуточку смешная...

В американской семье, из тех, которые называются порядочными, когда-то давно жил, рос, учился и воспитывался благонамеренный и честный маленький мальчик по имени Гарри. Был он, наверное, в меру способен, прилежен в учении, благовоспитан. Словом, жил-был типичный мальчик, без особых примет, ничем не отличавшийся от своих сверстников. Но что касается его тогдашней честности, я готов биться о любой заклад, что маленький Гарри в этом отношении был безупречен. Я глубочайше убежден в том, что он не стыдил из пенала своего школьного товарища ни одного пера, не взял без разрешения мамы ни одного цента из сдачи, которую получал в магазине, совершая какую-либо мелкую покупку. Он, несомненно, был благонадежным и, возможно, даже примерным мальчиком.

Но жизнь шла, и со временем из маленького мальчика, как и положено, Гарри превратился в юношу, а затем в оборотистого малого, знающего цену доллару, и постепенно доказался до того, что стал мистером Солсбери, довольно известным журналистом, подвизающимся на страницах не менее известной в США газеты «Нью-Йорк таймс».

Маленький Гарри меня не интересует. Его жизнь для меня, как для писателя, не находка. Я — не Марк Твен, а Гарри, конечно, не Том Сойер. Но вот теперешний мистер Солсбери мне интересен с чисто психологической стороны, и то лишь потому, что его самого интересует мое творчество, и отнюдь не с психологической или художественной стороны, а чисто с политической.

Еще в прошлом году мистер Солсбери выступил в «Нью-Йорк таймс» со статьей, в которой, ссылаясь на слухи, якобы ходившие в «московских литературных кругах», писал, будто бы я давно уже закончил «Поднятую целину», но закончил смертью Давыдова в советской тюрьме, и будто бы именно поэтому книга так долго не печаталась. Мало этого, мистер Солсбери даже приезд в Вешенскую Н. С. Хрущеваставил в прямую связь с концом книги... Далеко шагает мистер Солсбери, ведомый своей злой, но неумной фантазией, да и дорожку для сенсации и заработка выбрал он грязную и нечестную.

Будучи в прошлом году в Америке и ознакомившись с его статьей, я шутливо заметил представителям американской прессы, что в США набивается ко мне в соавторы небезызвестный в журналистских кругах мистер Солсбери и что мне надо торопливаться с окончанием работы над романом, так как Солсбери уже придумал конец для романа, причем такой конец, который, очевидно, больше всего устраивает непрощенного соавтора или его хозяев; а именно: уничтожить героев романа коммунистов руками представителей Советской власти. Я полагал, что после этого в мистере Солсбери проснется честный мальчик Гарри. Однако ожидания мои не оправдались: беспробудным сном спит в бизнесмене Солсбери маленький Гарри, удушил его нечестными руками матери, ничем не брезгающий журналист мистер Солсбери...

И вот 19 февраля в «Нью-Йорк таймс» появляется новая статья Солсбери под броским заголовком: «Герой Шолохова умирает новой смертью». Статья новая, но в ней повторяются прежние досужие домыслы, хотя с некоторыми добавлениями. Так, например, Солсбери пишет: «...Давыдов был злонамеренно обвинен советской полицией, арестован и заключен в тюрьму, где, как рассказывают, застрелился».

М. ШОЛОХОВ

Что мистеру Солсбери до того, что сообщаемое им выглядит явной нелепицей? Он, здрав, гонит строку! А хотелось бы у него спросить, где он видел такую тюрьму, в которой заключенные расхаживали бы с пистолетами и сами чинили бы над собой суд и расправу?

Все осталось в статье Солсбери на таком же уровне, и не поймешь, где у него кончается подлость и начинается глупость.

Под конец, касаясь заключительной главы, Солсбери пишет: «Вместо цельного финала даны пять эпизодов, едва связанных между собой. Во втором эпизоде о смерти Давыдова рассказывается как бы мимоходом, случайным языком».

Это — уже прямое вторжение в область искусства, и тут я должен прямо сказать мистеру Солсбери: «Посторонитесь. Здесь, мягко выражаясь, не ваша сфера деятельности. Если, по вашему мнению, язык у меня в последней главе случайный, то в вашей статье и языки, и само содержание далеко не случайны!».

Всерьез спорить с мистером Солсбери по вопросам искусства — значит не уважать само искусство, и не об этом идет речь. У меня возникает законный вопрос: если м-р Солсбери действительно интересовал конец книги, то почему он не обратился с таким вопросом ко мне, так сказать, к первоисточнику, хотя бы в тридцатых годах, после выхода первой книги? Или почему он не спросил у меня об этом, когда я был в Америке? Ведь у него были все возможности увидеться со мной. Я в нескольких фразах сообщил бы ему о развязке. А эта развязка, как была задумана в ходе работы еще над первой книгой, так и завершена теперь безо всяких изменений и переделок. Секрета из этого я никогда не делал. Но м-р Солсбери предпочитает ссылаться на разговоры в «московских литературных кругах». Любопытно, где он нашел эти «круги»: в редакции «Нью-Йорк таймс», у себя на квартире или в Москве на Тишинском рынке?

Нечестный путь избрал м-р Солсбери, но это уже дело его совести, разумеется, если она есть у него в наличии хотя бы в микроскопическом размере.

В начале своей статьи Солсбери пишет: «После смерти маленькой Нелли в романе Чарлза Диккенса «Лавка древностей», опубликованном в 1841 году, очень редко случалось, чтобы судьба литературного героя возбуждала такой широко распространенный интерес».

И я невольно подумал о том, что если бы в добрые диккенсовские времена школьник Гарри Солсбери совершил какой-нибудь неблаговидный поступок, то учитель непременно его высек бы. Подумал я и пожалел о том, что нельзя сейчас взрослого м-ра Солсбери высечь, а надо бы! Более сурового наказания он, пожалуй, не заслуживает, но розги заслужил, безусловно! И на что уж я мягкий по характеру человек, но и то стоял бы сбоку доброго американского учителя и подбадривал бы его возгласами: «А ну, прибавь этому блудливому парню еще горяченьких!».

Если же телесные наказания, применявшиеся всегда в школах в прошлом веке, покажутся мистеру Солсбери слишком жестокими, то я поступил бы как чеховский Игнат из рассказа «Белолобый»: вздохнув, я сказал бы в адрес Солсбери: «Пружина в мозгу лопнула. Смерть не люблю глупых!». И, поручив наказывать мистера Солсбери какому-нибудь племистому американскому учителю, я бы лишь мягко, но назидательно говорил:

— Ходи в дверь! Ходи в дверь! Ходи в дверь!